

Основываясь на всем своем богатом жизненном опыте, Верочка ничуть не сомневалась: мама знакомству не обрадуется. И не важно, что парень плечист и статен, что держится уверенно и спокойно — просто загляденье! Вряд ли маму вдохновит диплом электрика-монтажника, а также стаж работы сроком в два года на частном предприятии «Сигнал». И даже то, с какой явной благосклонностью он взирает на саму Верочку, осторожно поддерживая ее под локоток, не компенсирует одного непоправимого факта: ее избранник — байкер.

Вообще-то еще совсем недавно девушка к байкерскому движению относилась спокойно, чтобы не сказать равнодушно. Ее ничуть не привлекала романтика ночных катаний, грохот моторов, откровенная показушность грубых парней в кожаных куртках. Скажем так: до сих пор ей это было неинтересно.

Но вот однажды, погожим весенним днем, когда она выходила из подъезда, тишину двора взорвал рев мотоцикла. Черная металлическая зверюга затормозила аккуратно у Верочкиного крыльца. Всадник — сплошь черная кожа и заклепки — уперся в асфальт ногой в ребристом ботинке, удерживая равновесие, и заглушил мотор. И пока девушка оторопело взирала на это явление, байкер снял жуткий шлем с нарисованной на нем акульей пастью и — оказался вполне симпатичным парнем с ясными голубыми глазами. Он приветливо улыбнулся и спросил:

— Не знаете, леди, Сашка Измайлов здесь обитает?

Верочка не сразу собралась с духом для ответа, когда незнакомец произнес:

— Доброе утро, кстати. Ведь оно, действительно, доброе, раз я встретил Вас.

— Доброе,— пролепетала Верочка. Она окончательно растерялась. А всадник сошел со своего железного коня, представ перед ней во всей красоте своего почти двухметрового роста. Повел широченными плечами.

— Меня, кстати, Василием зовут. А Вас?

— Вера,— произнесла девушка, чувствуя, как ее сердце срывается вниз, и — ах — стремительно падает прямо к ногам незнакомого байкера с ослепительной голливудской улыбкой.

Он, между тем, оглядел ее тонкую фигурку в летнем платье с нескрываемым восхищением. Потом повесил шлем на руль и запросто перешел на «ты»:

— Представляешь, Вера, этот лоботряс на днеху пригласил, а адрес точный я не помню. Мне казалось, где-то здесь он должен жить. Не знаешь? У него еще «тачка» такая — черный «Блэкберд», большой — трудно не заметить.

Девушка лихорадочно размышляла. Если бы в их доме обретался такой персонаж — она бы точно была в курсе. Об этом она честно сообщила новому знакомому.

— Жаль, — протянул тот. — Ну, ничего. Сейчас Костяну наберу — может, он знает... А, кстати, что ты делаешь завтра после пяти?

— После пяти я буду дома, — ни секунды не раздумывая, прошептала Верочка.

— Отлично. Значит встречаемся в половину шестого на этом самом месте.

Василий сел в седло, надел шлем и завел мотор. Затем поднял руку в приветственном жесте и с грохотом газанул.

Вот так романтически произошло их знакомство.

С того дня прошло уже почти полгода, а Верочка все никак не могла привыкнуть к мотоциклам. Девушка ни за что бы не призналась в этом Василию, но она до жути боялась быстрой езды, в чем ее новый друг оказался настоящим мастером. Каждый раз, слезая с седла на дрожащих ногах, Верочка изо всех сил изображала бурный восторг, улыбаясь ему побелевшими губами. Онемевшие пальцы, которыми она намертво вцеплялась в кожаную куртку байкера во время отчаянного «полета» по улицам, не хотели разгибаться, и она прятала руки за спину, незаметно разминая их.

На протяжении долгих загородных поездок несчастная постоянно испытывала неодолимые позывы посетить туалет и то и дело просила Василия остановиться, объясняя это желанием получше рассмотреть какой-нибудь особо впечатляющий пейзаж. Друг усмехался, снисходительно исполняя все ее прихоти.

«Правда, здорово?» — спрашивал он после очередной лихой гонки. «Здорово», — послушно соглашалась Верочка, пытаясь потихоньку присесть куда-нибудь, чтобы он не заметил, как ее шатает. Ведь не могла же она, девушка байкера, и вдруг да не любить сумасшедшей езды. В этом же весь кайф!

Особенно ярко ей запомнилась поездка на слет под Логойском. В тот день Василий подкатил к ее крыльцу не на своей громадине-Хонде, а на какой-то странной и весьма хрупкой на вид конструкции. Он назвал ее «Джиллерой 125-й», в простонародье больше известной как «бешеная табуретка», и объяснил, что его «транспорт» находится на небольшом ремонте, а эту «красавицу» он временно одолжил у друга. «Она, кстати, нормально разгоняется, ты не переживай! — «успокоил» он Верочку. — Сидеть, может, не так удобно. А вообще — огонь!»

От этих слов по спине у девушки пробежали мурашки. Вскоре ей в полной мере удалось ощутить всю «прелесть» обещанных удовольствий, а также понять, за что это орудие пыток назвали «бешеной табуреткой». Да, она была быстра. Василий, не напрягаясь, выжимал до ста сорока. Но если у Хонды имелось большое удобное седло, а еще Верочка могла надежно укрыться от бьющего в лицо ветра за широкой спиной сидящего впереди друга, то здесь она оставалась абсолютно открытой и беззащитной. Пассажи́рское сиденье самым бессовестным образом торчало над водителским, так что девушка ощущала себя сидящей на каком-то пенке, практически без опоры. И этот пенек несся сквозь пространство, презирая законы физики и мча на себе сжавшуюся от ужаса девушку. Встречный ветер лупил по ней, норовя и вовсе сбросить с хлипкого насеста. За время пути Верочка перебрала в памяти все известные ей молитвы, хотя до сих пор считала себя почти атеисткой, и закончила торжественной клятвой «больше никогда-никогда не садиться на мотоцикл, если только доедет живой сегодня».

Едва она успела перевести дух, как оказалась в самой гуще событий и многочисленных друзей Василия. Они все разговаривали о непонятных ей вещах, пили пиво большими кружками, шумели, дымили... Василий с гордостью представлял им Верочку, хвастаясь своей «боевой подругой» и получая в ответ одобрительные возгласы.

Такого скопления мотоциклов в одном месте ей видеть еще не доводилось. Народ двигался от одного к другому, гудел, оживленно обсуждал что-то. На площадке затеяли «крутое развлекалово» — палили резину. Это так и называлось — «палить резину». А само действие заключалось в следующем: удерживая мотоцикл за руль, изо всех сил упираясь в землю ногами, байкеры нещадно давили на газ, от чего колеса крутились на месте с такой бешеной скоростью, что резина на них дымилась и плавилась. Грохот, дым и вонь стояли невероятные. Зрители, и, особенно, сами байкеры, были в неистовом восторге, хотя до Верочки никак не доходил смысл и, главное, цель происходящего. «"Палить резину"? — Зачем палить резину? Какое в этом удовольствие? Разве это весело? Неужели им колеса не жалко?» — недоумевала она и все попытывалась у Василия, но он так и не сумел ей внятно объяснить, в чем шик подобного мероприятия.

Зато концерт и заключительный фейерверк ей понравились. В небо взмывали сказочные букеты, россыпи и звезды. Все радовались и кричали: «Ура!» — как в детстве, приветствуя каждый залп. Верочка стояла, тесно прижавшись к Василию. Он обнимал ее за талию, поднимая голову к черному небу, озаряемому разноцветьем огней. Все казалось таким прекрасным и романтичным: и мотоциклы, и музыка, и вся эта толпа, в едином порыве орущая «ура». Об обратной поездке думать не хотелось.

Но... верная «табуретка» уже ждала их. Никуда она с парковки не делась, и девушке даже показалось, что она видит мерзкую ухмылку прямо под раскосыми глазами-фарами. Весь обратный путь Верочка снова молилась, и всхлипывала про себя, и умоляла неизвестно кого, чтобы все это побыстрее закончилось...

В темноте мимо них проносились-проплывали странные инопланетные корабли: тюнингованные мотоциклы с разноцветной подсветкой, один чуднее другого. Все разъезжались по домам...

А они все неслись и неслись сквозь ночь, и Верочка цеплялась обледеневшими пальцами за края сиденья, и ветер все пытался сорвать ее, сбить, опрокинуть на асфальт, что сумасшедшей лентой вращался под колесами.

Возле дома Василий сочувственно взглянул на нее, обнимая:

— Устала?

— Да, немного, — Верочка отвела глаза, ощущая дикую слабость и боль во всем теле. Ее словно палками измолотили! Больше ни за что, ни за какие коврижки она не сядет с ним на мотоцикл!

Но прошло два дня — и девушка выпорхнула навстречу раскрывшему объятия Василию, и на вопрос: «Кстати, а не прокатиться ли нам куда-нибудь?» ответила бурным энтузиазмом. И вновь умирала от ужаса, заглядывая через мощное плечо впереди на стрелку спидометра, стремящуюся к опасной отметке. А потом долго приходила в себя, спрятавшись от глаз Василия за углом беседки и заставляя себя дышать ровно и глубоко.

В конце концов, ну, сколько так могло продолжаться?! Верочка чувствовала, что силы ее на исходе, что она не хочет, не может больше притворяться и жить жизнью, которая вовсе не ее, а чья-то чужая, выдуманная. Сходя с ума от страха, изображать восторг; радоваться каждой поездке так, как будто она не мечтает вот сейчас, сию секунду оказаться где-нибудь подальше от этих чудовищных мотоциклов и всего, что с ними связано...

Но разве можно сказать об этом Василию? Как она сумеет посмотреть в эти небесно-голубые глаза и признаться, что все это время врала, притворялась, играла?.. Да она скорее умрет на месте!

Так, страдая и мучаясь от неразрешимой дилеммы, девушка ждала наступления холодов и окончания байкерского сезона. Ждала, считая дни, и уже заранее думая о том, а что же дальше, когда солнце опять растопит снег? Ведь все начнется снова, и зима — лишь временная передышка. И это не выход, не решение ее проблем. С каж-

дым днем, с каждым часом она привязывалась к своему другу-байкеру все надежней и сильней. Любовь и отчаяние боролись в ней, поочередно одерживая верх. Еще немного — и у нее не хватит мужества на самый решительный шаг.

Идея пришла совершенно неожиданно. А почему бы не познакомить Василия с родителями?

Чтобы понять всю оригинальность задумки, следует сделать краткое отступление и рассказать о Верочкиных родителях. Не то, чтобы они были какими-то допотопными монстрами, тиранящими дочь — совсем, наоборот: Верочка выросла в очень интеллигентной, очень воспитанной семье, и с ранних лет была погружена в уточненную атмосферу искусства и литературы. Мама ее работала преподавателем музыки по классу фортепиано, так как артистическая карьера ее в молодости не сложилась. Отец — тихий, застенчивый человек — не умел говорить ни о чем, кроме своей любимой физики. Оба они обожали дочь и старались дать ей самое лучшее образование и воспитание. Музыка, танцы, рисование акварелью, уроки этики, вышивание бисером... И тут вдруг — байкер!

Большого контраста трудно себе и представить. Ощущая, как сердце ее сжимается в предчувствии грядущей бури, Верочка решительно вела за собой Василия.

— А ты точно уверена? — в третий раз спросил он. — Нам пока не рано знакомиться?

— Конечно, уверена! — улыбалась девушка столь несвойственной байкеру робости и тащила его дальше.

Все оказалось почти так, как она и предполагала. Василий застыл на пороге, такой неуместный в своей кожанке и огромных армейских ботинках среди белых тюлей, картин и сияющего паркета. Мама всплеснула руками в немом ужасе, папа тихо кашлянул и отложил журнал. И хотя Верочка внутренне обмирала от страха, она поняла, что действует в правильном направлении. Родители никогда, НИКОГДА не разрешат ей встречаться с байкером. Ах, да, еще и это его любимое словечко «кстати», которое вставлял он и кстати, и не очень. Как это болезненно должно быть для тонкого музыкального мамино слуха. «Ой, что сейчас будет!» — подумала она и произнесла:

— Мама, папа, знакомьтесь: это мой друг Василий. Он ездит на мотоцикле.

— Д-да, мы уже поняли, — пробормотал отец, вставая и вежливо протягивая руку.

— Очень приятно... Ну, разувайтесь... И проходите к столу... раз уж зашли, — с трудом опомнилась мама, возвращаясь к роли вежливой хозяйки.

Василий неуклюже проследовал за ней, боясь зацепить что-нибудь хрупкое. Просто слон в посудной лавке! Верочка опустила глаза, испытывая неловкость и смущение, будто сама была на его месте.

Наконец, все чинно расселись вокруг ажурной скатерти с белоснежными салфетками, и мама церемонно разлила чай по фарфоровым полупрозрачным чашкам. Вначале за столом царил неловкое молчание. Первым не выдержал папа:

— Кхм, Василий, а какой марки Ваш мотоцикл?

Парень отчаянно сжал чайную ложечку, словно пытаясь согнуть ее пополам.

— Хонда, ЦБР-ка, тысяча кубов. Она у меня мощная! — гордая улыбка осветила его лицо.

— Правда? Как интересно! — вмешалась мама. — И как давно Вы ездите, Василий?

— Шесть лет.

— Понятно.

Беседа близилась к какой-то опасной теме. Чувствуя это, Верочка непроизвольно бросилась на защиту друга:

— Он очень опытный и очень осторожный водитель. Ни одной аварии за эти шесть лет.

— Это, конечно, похвально. А кем Вы работаете? — продолжила допрос мама.

— Я — электрик на фирме «Сигнал». Стаж работы — тоже шесть лет, — четко отпартортовал Василий.

Верочка, конечно, ожидала, что за парня возьмутся всерьез, но спокойно слушать этот «разбор по косточкам» не могла, поэтому, извинившись, под каким-то предлогом покинула гостиную. Когда она вернулась, в комнате оживленно беседовали Василий и ее папа. Насколько она поняла из обрывков разговора, речь шла о технических характеристиках Хонды, таких, как обтекаемость и ускорение. Обычно всегда невозмутимый, неразговорчивый папа был непривычно возбужден, размахивал руками, что-то азартно объясняя. Девушка давно не видела его таким увлеченным.

Вошедшая мама молча поставила на стол большое блюдо с сахарным печеньем и тихонько присела на диван.

В общем, вечер затянулся. Уже изрядно стемнело, когда Василий сообщил, что ему пора, и девушка вызвалась немного провести его. «Молодежь» уже выходила за порог, когда мама попросила Верочку задержаться на минутку.

Внутренне сжавшись в ожидании холодной отповеди — ну, что ж, на войне, как на войне! — девушка махнула другу, чтобы он подождал ее у подъезда, и обернулась к родителям, скрестив на груди руки. Вот сейчас все и решится. То, ради чего она затевала всю эту авантюру. Неприятно, но она потерпит. Каких-то несколько минут — и она свободна!

Однако мама отчего-то не спешила ее ругать, а наоборот, вдруг тепло улыбнулась:

— Ну, что, доченька, должна сказать, нас с папой несколько удивил твой выбор. Но мы поговорили с Василием, и он нам понравился. Серьезный молодой человек, и, кажется, вполне надежный.

— Хороший парень, — кивнул папа из-за ее плеча.

Девушка смотрела на них во все глаза, не веря услышанному. Значит... им понравился байкер, и все ее прогнозы не оправдались, и теперь... и что же теперь?..

Мама, наблюдая за ее смятением, приобняла за плечи:

— Ну, иди, давай, он ждет тебя...

И добавила с притворной строгостью:

— Только долго не гуляйте!